

УДК 81'27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/68/16

Русская речь в китайском Трехречье: языковые особенности

Е.А. Оглезнева¹, О.В. Пустовалов²

¹ Томский государственный архитектурно-строительный университет
Россия, 634003, Томск, Соляная площадь, 2

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

² Хэйхэский университет, Хэйхэ, Китай

E-mail: pustovalowol@yandex.ru

Авторское резюме

Анализируется русская речь потомков переселенцев из России в китайское Трехречье, а именно в район Внутренняя Монголия КНР в XX в. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения различных форм бытования современного русского национального языка, в том числе в зарубежье. Источником для изучения русского языка в китайском Трехречье выступили как устные, так и письменные материалы, собранные авторами в 2017–2018 гг. во время научных экспедиций в Русскую национальную волость Эньхэ (КНР). Исследование русской речи потомков переселенцев из России в китайское Трехречье показало наличие в ней отклонений от норм русского литературного языка. Это обусловлено бытованием русского языка в диалектной форме, а также интерференцией под влиянием китайского языка. Установлено, что русские говоры Трехречья генетически связаны с русскими говорами Восточного Забайкалья, а те, в свою очередь, – с севернорусскими говорами. Диалектные особенности русских говоров китайского Трехречья позволяют отнести их к говорам переходного типа на севернорусской основе. Отсутствие внешних факторов влияния на диалектный русский язык со стороны других его идиомов обусловило консервацию названной диалектной формы русского языка в Трехречье до начала XXI в. В статье рассматривается как диалектное своеобразие русской речи в Трехречье на разных уровнях языковой системы: в фонетике, морфологии, синтаксисе и лексике, так и случаи межязыковой интерференции, возникшие в результате влияния китайского языка на русскую диалектную систему. Проанализирована фонетическая, морфологическая, синтаксическая и лексическая интерференция и типичные случаи ее проявления. Определены факторы, которые

влиять на интенсивность проявления интерференции: поколение, образование, профессия, языковая среда. Описание активных зон взаимодействия типологически различных китайского и русского языков, детерминирование участков интерференции в русской речи билингвов позволило обнаружить «слабые участки» системы русского языка в ситуации русско-китайского билингвизма. Выводы исследования характеризуются новизной: изучен один из вариантов существования русского языка в зарубежье, а именно в восточном зарубежье – в китайском Трехречье, специфика которого проявляется в сохранении в нем русской диалектной основы и интерференции под влиянием китайского языка, что представляет собой малоизученный факт русской языковой действительности в эмиграции.

Ключевые слова: русский язык зарубежья, Китай, Трехречье, русские говоры в Китае, межязыковое взаимодействие, интерференция.

The Russian language in the Chinese Three Rivers region: linguistic features

E.A. Oglezneva¹, O.V. Pustovalov²

¹ Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering

2 Solyanaya Square, Tomsk, 634003, Russia

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

² Heihe University, Heihe, China

E-mail: pustovalowol@yandex.ru

Abstract

The authors analyse the Russian speech of immigrants' descendants from Russia to the Chinese Three Rivers region in the Inner Mongolia in the 20th century. The relevance of the study is due to the need to study various forms of existence of the modern Russian national language, including those in foreign countries. The research is based on both oral and written sources collected by the authors in 2017–2018 during their expeditions to Enhe Russian Ethnic Township (China). The research has shown deviations in the speech of immigrants' descendants from the norms of the Russian literary language due to the use of Russian in its dialect form, as well as interference from Chinese. The authors have proved that the Russian dialects of the Three Rivers region are genetically related to the Russian dialects of Eastern Transbaikalia, which, in turn, are related to the North Russian dialects. The dialectal features of the Russian dialects of the Chinese Three Rivers qualify them as the transitional dialects on the

North Russian basis. Since there were no external factors of influence on the dialectal Russian language from its other idioms, the stated dialectal form of the Russian language remained unchanged until the early 21st century. The article considers both the dialectal originality of Russian speech in the Three Rivers region at different language levels (phonetics, morphology, syntax, vocabulary), and the cases of interlingual interference resulting from the influence of the Chinese language on the Russian dialect system. The authors describe the following factors that determine the intensity of interference: generation, education, profession, and language environment. Having described the active zones of interaction between typologically different Chinese and Russian and determined the areas of interference in the Russian speech of bilinguals, the authors detected “weak points” of the Russian language system in the situation of Russian-Chinese bilingualism. Thus, the authors have studied the variant of the Russian language specific for the Chinese Three Rivers region and concluded that it preserves the Russian dialect base influenced by the interference from Chinese, which is an understudied fact of the Russian language environment in emigration.

Keywords: Russian language abroad, China, Chinese Three Rivers region, Russian dialects in China, interlingual interaction, interference.

Район Трёхречья в Китае, наряду с Харбином и приграничными селами Китая на правом берегу Амура, был одним из мест массового переселения русских в конце XIX и начале XX в. В настоящее время на этой территории располагается Русская национальная волость Эньхэ – единственная национальная волость КНР, титульной национальностью которой являются русские. Русский язык потомков переселенцев из России в китайское Трёхречье, сохранившийся до 20-х гг. XXI в., является объектом нашего исследования.

Актуальность работы определяется необходимостью изучения функционирования современного русского национального языка в зарубежье в различных формах. Источником для изучения русского языка в китайском Трёхречье выступили записи устной речи потомков русских переселенцев в Трёхречье и письменные материалы, собранные авторами в 2017–2018 гг. во время научных экспедиций в Русскую национальную волость Эньхэ в Китае.

В начале XX в. в китайском Трёхречье вследствие событий 1917 г. в России и последовавшего за ними массового переселения русских из приграничного с Китаем Забайкалья сформировался русский анклав, характеризующийся достаточно автономным положением на китайской территории. Численность русских и их потомков к середине 50-х гг. XX в. – времени массовой реэмиграции и репатриации русских из Трёхречья – составляла 11–25 тыс. чел. [8: 141].

Однако до сих пор на территории китайского Трехречья проживает 2 631 потомок русских переселенцев – это метисы, причисляющие себя к национальному меньшинству русских в Китае – элосыцзу [15].

В китайском Трехречье, характеризующемся многонациональностью и многоязычием, в начале XX в. сформировалась уникальная языковая ситуация с участием русского языка. Кроме китайского и русского языков и их идиомов, компонентами языковой ситуации выступали языки многочисленных коренных народов региона: эвенков, дауров, забайкальских бурят, маньчжуров и др. Языковая ситуация в Трехречье на протяжении всего XX в. динамично развивалась под влиянием исторических и политических обстоятельств, менялось и положение русского языка в этом регионе. В первой половине XX в. русский язык был доминирующим идиомом на территории Трехречья из-за преобладания численности русского населения и был представлен разными идиомами: литературной формой (письменной и устной) и народно-разговорной – диалектной, которая была основной формой бытования русского языка в китайском Трехречье. В этот период русский язык – язык эмигрантов – обладал большей демографической мощностью, чем китайский – язык страны проживания (показатель демографической мощности русского языка – 0,55 к 0,35 у китайского языка) [12: 53], а также большей, чем у китайского языка, коммуникативной мощностью, обслуживая максимальное число коммуникативных сфер: быт, торговлю, хозяйственно-производственную сферу, образование, административное управление, религию. Оценочные признаки языковой ситуации, включающие отношение к языку собственно носителей, также были высоки: для русских и их потомков в Трехречье русский язык обладал высокой степенью значимости, престижности и коммуникативной пригодности.

При исследовании русской речи потомков русских переселенцев в Трехречье в начале XXI в. были обнаружены отклонения от норм русского литературного языка, что объясняется несколькими причинами:

1) основной идиом русского языка в Трехречье – русский диалект, который имеет языковые особенности, отличающие его от литературного стандарта;

2) основной процесс, характерный для русской диалектной речи в Трехречье, – интерференция под влиянием китайского языка.

Диалектное своеобразие русской речи потомков русских переселенцев в китайское Трехречье. Идентификация типа русского говора. Диалектное сообщество в Трехречье – это территориально ограниченный социум, сформированный в условиях сельской жизни, культуры. Туда переселялись в основном казаки и крестьяне из российского приграничья. По рассказам информантов (а это были представители второго

и третьего поколения переселенцев), их предки до переселения проживали в селах Восточного Забайкалья: Борзинское, Приаргунское, Булдуруй, Бура, Олочи, Александровский завод, и, соответственно, являлись носителями русских народных говоров. Исследование русской речи трехреченцев ставит перед нами задачу выявления ее диалектных черт и определение типа русского говора.

Среди причин сохранения русской диалектной речи в китайском Трехречье можно назвать следующие:

- изолированность и отдаленность места проживания носителей русских говоров от крупных административных центров с русскоязычным населением, исключают или минимизируют влияние других форм русского языка на их диалект;

- отсутствие образования, кроме начального, на русском языке, что ограждало диалектную речь носителей диалекта от нивелирующего воздействия литературного языка;

- традиционный крестьянский уклад жизни, занятия сельскохозяйственной деятельностью, охота, рыболовство, русские народные промыслы делали востребованным диалектный словарный состав и способствовали его поддержанию.

Нами были рассмотрены диалектные особенности в русской речи потомков русских переселенцев в китайское Трехречье на разных уровнях языковой системы: фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом. Диалектные особенности их речи были выявлены с помощью метода речевого портретирования представителей второго и третьего поколений потомков русских трехреченцев: Николая Ш., 1935 г. р.; Лидии Д., 1951 г. р.; Александра М., 1939 г. р.; Ирины Г., 1942 г. р.; Марии Б., 1938 г. р., а также по результатам наблюдений над речью других потомков переселенцев, с которыми удалось побеседовать (Елизаветы Ф., 1940 г. р.; Зои Б., 1945 г. р. и др.).

Всего обнаружено 30 диалектных черт в фонетике – вокализме и консонантизме; 32 диалектные черты в грамматике – морфологии и синтаксисе), а также выраженная диалектная специфика в лексике.

Фонетические особенности:

1. Наблюдается аканье со следами оканья: [а]тнравить, в п[а]сёлке, х[а]тела, вт[о]рой, г[о]стинцы.

2. Иканье со следами еканья: п[и]рчатках, вс[и]гда, н[и]множко, пл[е]мянник, п[е]р[е]водчик.

3. Употребление протетического [в] перед начальным [о] и [у]: [в^у]гль, [в^у]зеро, [в^у]сенью.

4. Употребление протетического [ј] в начале слова перед [э]: [јэ]ти, [јј]ето, [јј]ето.

5. Отмечается произношение [е] на месте [а] после мягкой согласной как лексикализованное явление: *о[п'е]мь*.

6. Отмечено произношение корня *сел-* с [а] как лексикализованное явление: *[с'а]л, [с'а]ли, при[с'а]живайся*.

7. Заднеязычная звонкая фонема <г> реализуется как взрывной [г]: *[г]олубица, [г]рибы, о[г]ород, [г]уси, помо[г]али*.

8. Г-фрикативный присутствует в слове *бо[γ]атый*.

9. Отмечено произношение [х] на месте [к]: *до[х]тор, [х]то*.

10. Фонема <в> в сильной позиции реализуется губно-зубным звуком [в]: *[в]ыселили, пере[в]одчик, [в]ремя*.

11. Отмечено произношение твердого губного на конце: *кро[ф]* (кровь).

12. Отмечено употребление [х] на месте [ф]: *ва[х]ли*.

13. Отмечен вставной [в] в слове *замуж*: *пошла взамуж*.

14. Аффриката <ч> реализуется как [тш]: *[тш]улки, у[тш]ился, у[тш] еба, до[тш]ка*; редко как [ч']:*[ч']ушки*.

15. Аффриката <ц> реализуется как [тс]: *китае[тс]; [с]: китае[с]ы, кури[с]ы, спе[с]иальный; [ц]: [ц]ерква; [ц']:* революц[ц']ия.

16. Шипящий <ш> произносится как твердо: *хоро[ш]и, китаю[ш]ка, [ш]ибко, у[ш]кан*, так и мягко (реже): *чу[ш']ки*.

17. Шипящий <ж> произносится твердо: *пичу[ж]ить, сте[ж]анка*.

18. Произношение мягкого долгого шипящего <ш':> как твердого [ш]: *[ш:]ука, е[ш:]о, и и[ш:]о, про[ш:]аются, Благове[ш:]енске, кре[ш:]она*.

19. Произношение твердого долгого шипящего <ж:> как [ж:]: *дро[ж:] и и дро[ж:]ы*.

20. Утрата интервокального [j] с последующей ассимиляцией и стяжением гласных в прилагательных, глаголах, а также местоимениях-прилагательных, порядковых числительных: *Караванна, помогам, понимает, разговариват, ухаживат, думаешь, грамотны*.

21. Отмечается пропуск начального губно-зубного согласного [в]: *(в)кусны, (в)ставать, (в)сю, (в)се*.

22. Произношение некоторых согласных звуков с придыханием: *лук', старык'и, к'алзох, к'то, суп'*.

23. Произношение сочетания *чн* как [шн]: *пограни[шн]ики, непривы[шн]ы, привы[шн]ы, кирпич[шн]а*.

24. Смешение звонких и глухих согласных: *пенз[и]я, сабо[г]и, ка[г]* (как), *бапушка*.

25. Прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных: *Мару[с'к'а], мале[н'к'а]*.

26. Произношение ЧТ в корне местоимений как [ч'о] и [чо]: *чё и чо*.

27. Отмечена утрата взрывного в сочетании [ст] в конце слова: *есь* (есть), *шесь* (шесть).

28. Наблюдается выпадение согласных, например, [б]: *баушка* (бабушка).

29. Встречается замена согласных: *чижало* (тяжело), *пашпорт* (паспорт), *кажный* (каждый).

30. Произношение твердого [р] в некоторых словах: *Т[ро]хречье*, *двер*, *разговарывали*.

Грамматические особенности:

1. Т. п. существительных ж. р. представлен формой с окончанием -ом, -ем: *литовком*, *переводчиком*, *бутылком*.

2. Т. п. существительных мн. ч. представлен формой с окончанием -ам: *ногам под машиной*, *съездит за вам*.

3. Р. п. существительного м. р. ед. ч. представлен формой с окончанием -у: *с югу*, *с Китая*.

4. Р. п. существительного мн. ч. представлен формой с окончанием -ов: *с кирпичёв*.

5. Р. п. существительного ед. ч. представлен формой с окончанием -у: *с югу*, *служил до Амуру*, *из Китая*.

6. П. п. существительных м. р. ед. ч. представлен формой с окончанием -у: *в первом дому*.

7. В. п. существительных ср. р. ед. ч. представлен формой с окончанием -у: *поставь на окошку*.

8. И. и В. п. существительных мн. ч. представлены формой с флексией -ы: *утяты*, *гусяты*, *цыпляты*, *бараняты*, *стёклы*, *домы*.

9. Отмечено образование формы И. п. мн. ч. на -ја: *волосья*.

10. Отмечено употребление существительных ср. р. как существительных ж. р.: *шубу приколотила на окошку*, *баранья*, *скотска*, *свинья* *мясо*, *на какой собрании*.

11. Отмечено употребление существительного ср. р. как существительного м. р.: *село так маленький*.

12. Отмечено употребление существительных ж. р. как существительных м. р.: *чей фамилия*.

13. Отмечено употребление существительных м. р. как существительных ж. р.: *одна километра*.

14. Отмечено употребление прилагательных с окончанием -ай вместо -ий/-ый: *русской*, *высокай*, *правольнай*, *весёлай*.

15. Отмечено употребление окончания прилагательного -ья вместо -ье: *молодыя*.

16. П. п. прилагательного в ед. ч. представлен формой с окончанием -им: *в каком месте*, *в русском ресторане*.

17. Личные местоимения 3-го лица в косвенных падежах с предлогами употребляются с корневым [j]: *с ём*, *за имя*, *на ём*, *у ей*, *с имя*, *у его*, *с ей*.

18. Указательное местоимение *этот* в форме предложного падежа имеет флексию *-им*: *в этом лесу*.

19. Личное местоимение 1-го лица ед. ч. в р. п. имеет форму *мине*.

20. Вопросительно-относительное местоимение *кто* и отрицательное местоимение *никто* могут использоваться как неодушевленные в форме *каво* и *никаво*: *Каво это ты сказала? Никаво не ест, никаво не умею*.

21. Собираательные числительные *оба*, *двое*, *трое* в форме И. п. употребляются в форме *обоя*, *двоя*, *троя*.

22. Возвратный постфикс у глаголов представлен вариантами *-ся*, *-сь*, *-си*: *родилася*, *случилось*, *молюсь*, *боюсь*, *родилась*, *молюсь*, *укоренились*.

23. Отмечены единичные случаи неразличения 1-го и 2-го спряжений глаголов: *садют*, *ходят*, *плотют*.

24. Отмечено употребление формы инфинитива с суффиксом *-чи*: *пекчи*.

25. Отмечено употребление личных форм глаголов 2-го спряжения ед. и мн. ч. с ударением на окончании: *варíшь*, *напакостíли*.

26. Отмечено употребление следующих форм глаголов в повелительном наклонении: *напой*, *спечи*.

27. Отмечено выравнивание основ в глагольных формах: *пекёшь*, *пекёт*, *пекчи*, *стрегёшь*.

28. Отмечено частотное использование постпозитивных частиц *-ка* и *-то* при глаголах и других частях речи: *прибавлю-ка*, *иду-ка*, *осталася-ка*, *сразу-ка*, *нету-ка*, *тама-ка*, *он-то так кулак*.

29. Частотно используется предлог *С* для выражения пространственных отношений: *с Рассеи*, *с дому*.

30. Предлог *С* используется для выражения значения материала, из которого сделаны предметы, средства: *с пуху*, *с кирпичёв*.

31. Предлог *ПО* используется для выражения объектно-целевых отношений: *ездили по ягоду*.

32. Отмечено частотное использование двойных и повторяющихся предлогов: *со с работы*, *иду по дороге по маленькой*, *у меня у внука жена*.

Лексические особенности. В речи потомков русских переселенцев в китайское Трехречье присутствует много русских слов, не имеющих повсеместного распространения и характеризующих диалектный континуум именно этой территории. Эти слова представляют различные тематические группы (ТГ), отражающие актуальное для диалектоносителя членение окружающего мира.

ТГ «Человек и его свойства, действия»: *бравый* «красивый», *оро-бетъ*, *поученый*, *китаюшка*, *китаюха*, *метисты*, *мешень* «метисы», *докторица* и др.

ТГ «Названия ягод и грибов»: *моховка* «дикая смородина», *брусница*, *голубица*, *сопьяк* «гриб маслёнок» и др.

ТГ «Одежда и обувь»: *курмушка*, *стежанка*, *кушак*, *катанки* и др.

ТГ «Продукты питания»: *шаньги*, *капустник*, *картомники*, *тарочки*, *наливнушки* и др.

ТГ «Названия животного»: *яман*, *яматка*, *куцан*, *котиться* (о кошке), *жеребиться*, *оягниться*, *сохатый*, *козуля* «косуля», *ушкан* «заяц», *барануха*, *бараняты*, *гусяты*, *цыпляты*, *утяты* и др.

ТГ «Части тела»: *вертуг* «сустав», *костка* «кость» и др.

В русской речи современных жителей Трехречья также используется и диалектно-просторечная лексика: *маленько*, *шибко*, *отсюдава*, *манатки*, *плотют* и др.

Большинство (99,6 %) диалектных особенностей в речи потомков русских трехреченцев совпадает с диалектными особенностями русских говоров Восточного Забайкалья, территориально соположенного с китайским Трехречьем. Именно русские говоры Восточного Забайкалья были вывезены в Китай русскими переселенцами, функционировали там на протяжении более ста лет и сохранились как диалектная система. По этой причине русские говоры Трехречья являются генетически связанными с русскими говорами Восточного Забайкалья.

Данные о диалектной системе русских говоров Забайкалья для сравнительного анализа с диалектной системой русских говоров Трехречья взяты из работ современных исследователей забайкальских говоров О.Л. Абросимовой, Т.Ю. Игнатович, Е.И. Пляскиной [1; 6; 7; 11].

В свою очередь, русские говоры Восточного Забайкалья генетически связаны с севернорусскими говорами: именно «севернорусские говоры стали материнской основой для большинства говоров Забайкальского края» [7: 280]. Это дает основание утверждать, что русские говоры китайского Трехречья так же, как и русские говоры Забайкалья, относятся к **говорам переходного типа на севернорусской основе**.

Диалектная речь некоторых представителей второго и третьего поколений русских переселенцев в Трехречье представляет собой уникальную форму «чистого, неразворенного» диалекта, усвоенного «на слух» от русской матери или бабушки. Отсутствие внешних факторов влияния на их диалектный русский язык со стороны других его форм обусловило консервацию диалектной формы русского языка в Трехречье.

Явление интерференции под влиянием китайского языка в русской речи потомков русских переселенцев в китайское Трехречье. Описание

активных зон взаимодействия типологически разных китайского и русского языков, детерминирование участков интерференции в русской речи билингов представляет большой научный интерес и дает возможность обнаружить «слабые участки» системы русского языка в ситуации русско-китайского билингвизма. Исследователь языковых контактов У. Вайнрайх называет явлениями интерференции «случаи отклонения от норм любого из языков, происходящие в речи двуязычных людей в результате того, что они могут использовать больше языков, чем один, т.е. вследствие языкового контакта» [2: 22]. Вслед за В.Ю. Розенцвейгом мы будем определять интерференцию как «нарушение билингом правил соотнесения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы» [13: 4].

Межъязыковая интерференция вполне закономерна в контексте существующей языковой ситуации в китайском Трехречье, сложившейся в результате длительного взаимодействия русских и китайцев в этом регионе, а также их языков – китайского и русского. Рассмотрим случаи интерференции, возникшие в результате влияния китайского языка на русскую речь проживающих в настоящее время в Трехречье потомков русских переселенцев во втором и третьем поколениях Лидии Д., Николая Ш., Александра М., Марии Б., Ирины Г., Елизаветы Ф., Зои Б. Все они рождены в смешанных русско-китайских браках, являются билингвами, в их языковую компетенцию входит два языка: китайский и русский. В их русской речи была отмечена фонетическая, морфологическая, синтаксическая и лексическая интерференция.

Фонетическая интерференция:

1. Тоническое произношение имен собственных, в частности, имен и топонимических названий: так, названия сел Эньхэ 恩和 (ēnhé), Саньхэ 三河 (sānhé), уезда Якэши 牙克石 (yákèshí) произносятся с тоническим ударением.

2. Произношение [л'] как твердого [л]: *поболше, началник, в Забайкалэ.*

3. Произношение звука [л] на месте [р] и наоборот: *лыбу* (вместо *рыбу*), *в Хайраре, в Хайлале* (вместо *в Хайларе*).

4. Произношение глухих согласных как звонких: *позмотреть, кубишь* (вместо *купишь*), *пензия, сабоги, каг* (вместо *как*).

5. Произношение звонких согласных как глухих: *точка* (вместо *дочка*), *бапушка* (вместо *бабушка*), *покуляли* (вместо *погуляли*).

6. Произношение звука [к] с придыханием, как это происходит в китайском языке: *лук^х, старык^х, к^х алзох, к^х то.*

7. Произношение звука [п] с придыханием: *суп^х.*

8. Произношение аффрикаты <ц> как [с] и [тс]: *китае[с]ы, кури[с]ы, китае[тс], спе[с]иальный.*

9. Произношение аффрикаты <ч> как твердого [тш]: *сэ[тш]ас* (сейчас), *у[тш]ился* (учился), *до[тш]ка* (дочка), *на[тш]нёт* (начнёт), *дево[тш]ка* (девочка).

Фонетическая интерференция предполагает «взаимовлияние фонетических систем двух языков, при котором одна из систем по ряду признаков уподобляется другой, доминирующей, отступая от своих собственных норм» [9: 245]. Приведенные выше отклонения от произносительной нормы русского языка можно объяснить следующими фактами фонетики китайского языка:

1. Слоги в китайском языке отличаются не только своим звуковым составом (согласными и гласными), но и тоном [5: 191]. По этой причине потомки русских переселенцев в Трехречье, билингвы, часто произносят слова в своей русской речи с тоническим ударением (см. п. 1).

2. Мягкие согласные в китайском языке отсутствуют [4: 15]. Это может объяснять тот факт, что в речи некоторых потомков русских переселенцев твердый звук [л] употребляется на месте мягкого (см. п. 2). Кроме того, имеется артикуляционная специфика: в китайском языке при произношении согласного [л] кончик языка прижат к десенной части альвеол, т. е. отодвинут несколько дальше, чем при произношении русского [л], а также несколько ниже опущена спинка языка [14: 41], потому и в русском языке билингвы начинают артикулировать [л] по типу ближайшего в артикуляционном отношении китайского звука.

3. Звук [р], отсутствующий в китайском языке, заменяется на звук [л] в русской речи билингвов – потомков русских переселенцев в Трехречье (см. п. 3). Это происходит по причине отсутствия [р] в китайском языке, вследствие чего происходит неразличение [р] и [л] [4: 15; 10: 85].

4. В китайском языке нет противопоставления согласных по глухости-звонкости [14: 30]. Это является причиной неразличения парных согласных по этому признаку в русской речи билингвов и, как следствие, наблюдается озвончение глухих и оглушение звонких. Таким образом, противопоставление согласных по этому признаку становится неактуальным для говорящих (см. п. 4, 5).

5. Произношение согласных с придыханием в русской речи билингвов – потомков русских переселенцев в Трехречье (см. п. 6, 7) может быть объяснено наличием придыхания в китайском языке при произношении согласных [р], [т], [к], которые противопоставлены по признаку «придыхательный/непридыхательный» согласным [б], [д], [г] [14: 30], и, как следствие этого, возможное произношение согласных звуков [б], [д], [г], [т], [п], [к] с придыханием.

6. Аффриката <ч> в стандарте русского языка, как известно, реализуется всегда как мягкий звук, а соответствующий ему звук [ch] в китайском языке, наоборот, всегда твердый [14: 48]. Этот факт может влиять на закрепление твердого произношения аффрикаты <ч> в речи билингвов – потомков русских переселенцев в Трехречье (см. п. 8).

7. Реализация аффрикаты <ц> как свистящего [с] или как [тс] в русской речи билингвов приближается к звуку [ts'] китайской фонетической системы, в пиньинь обозначаемому 'c', в котором [т] ослаблен и даже отсутствует, а [с] является более свистящим (см. п. 9).

Многие из представленных случаев интерференции встречаются в речи потомков русских переселенцев в Харбин [9: 239–242] и в приграничные села Китая [3: 183].

Ряд языковых фактов из перечисленных, которые возможно интерпретировать как результат межъязыковой интерференции, совпадают с диалектной нормой, а именно с нормой русских говоров восточного Забайкалья, генетически связанных с русскими говорами Трехречья. Можно утверждать, что в указанных случаях русские диалектные фонетические особенности получают поддержку фонетической системы второго языка билингвов – китайского. Речь идет о произношении аффрикат <ч> и <ц>, согласных [к], [п] с придыхательным элементом, смешении звонких и глухих ([тш]улки, кури[с]ы, пензия).

Морфологическая интерференция:

1. Использование одной падежной формы вместо другой, чаще всего – формы И. п. Например: И. п. вместо Р. п. (*у меня бабушка нет, два куля морковка*); И. п. вместо В. п. (*мой муж уехал на учёба, мы поставили икона*); И. п. вместо П. п. (*русска школа не учились*) и др. Также отмечено использование Р. п. вместо П. п.: *в средней школы; Т. п. вместо Р. п.* (*огурцом накупим*) и др.

2. Использование одних глагольных форм вместо других. Например: форма глагола прошедшего времени ср. р. ед. ч. используется вместо формы глагола мн. ч. (*Русские школы было*); возвратная форма глагола вместо невозвратной (*Мама с деревни родила / а папа – Якеши / я тут родила* (вместо *родилась*) и др.).

3. Использование грамматических показателей китайского языка, в частности служебного слова *ла* 了 [le], которое употребляется в постпозиции и среди множества значений имеет значение завершения действия, изменения состояния: *Тоже их / стары нетула // Одни дети остались //*

4. В некоторых случаях отмечено наложение китайской и русской грамматических моделей друг на друга. *У меня мужина сестра* (по-китайски 我丈夫的姐妹 wǒzhàngfudejiěmèi, где 我 (wǒ) значит мой, 丈夫 (zhàngfu) – муж, 的 (de) – служебная частица для обозначения

притяжательности, 姐妹 (jiěmèi) – сестра). Ср.: синтетическая модель *папина, дядина, сестрина* и аналитическая модель *сестра моего мужа* в русском языке.

Отступления от нормы в употреблении грамматических форм встречаются и в речи потомков русских, переселявшихся в XX в. в Харбин [9: 243] и в приграничные села Китая [3: 184].

Морфологическая интерференция обусловлена в первую очередь типологическими особенностями взаимодействующих языков: в китайском языке, который является изолирующим по типу, отсутствует словоизменение, поэтому в русской речи билингвов – потомков переселенцев из России в китайское Трехречье возникают отклонения от нормы при использовании грамматических форм русского языка, для которого свойственно словоизменение.

Синтаксическая интерференция:

1. Употребление предлогов нарушением норм русского языка: *от юга* (вместо *с юга*), *так мама с деревни родила(сь)* (вместо *в деревне*).

2. Пропуски предлогов: *А сейчас уехала Улан-Удэ; Правительство раньше был Драгоценка; А папа – Якеши родился* (вместо *в Якеши*).

3. Рассогласованность форм рода и числа в словосочетаниях: *наша секрет, мой братья*.

4. Синтаксические кальки с китайского языка. Например: *Сто лет больше, две сутки больше, дак тридцать боле*. В китайском языке для выражения значения «больше *n* лет, суток» используется обратный порядок слов: *一百年多, 两天多*, где *多* (duō), где наречие со значением «больше» ставится в конце предложения и др.

Приведенные примеры демонстрируют нарушение синтаксических правил русского языка под влиянием синтаксиса китайского языка в речи информантов-билингвов. В частности, указанные в п. 1 и 2 пропуск предлогов или выбор предлогов, не соответствующих норме употребления в русском языке, обусловлен тем, что в китайском языке в подобных предложениях предлоги не используются. Например, фраза *А сейчас уехала Улан-Удэ* по-китайски будет звучать как *她去了乌兰乌德*, где после глагола *уехать* 去 отсутствует предлог.

Лексическая интерференция:

1. Заимствования из китайского языка достаточно частотны в речи потомков русских переселенцев в Трехречье. Они используют их в двух основных функциях: 1) для называния реалий китайской действительности, не имеющих обозначения в русском языке: *Картами играть ушла* // *Da majiang* //; 2) для уточнения понятия, названного русским словом, используют китайский эквивалент: *Грибы по-китайски «тоди»* // *А грузди ещё есть в Караванной* // *Всё есть* // и др.

2. Кальки, представляющие собой буквальный перевод на русский язык китайского сочетания и использование его в своей русской речи.

Так, словосочетание *сердцу неловко* используется вместо *сердце болит*. Происходит это потому, что в китайском языке для обозначения болезни или недомогания используют выражение 不舒服 (*bùshūfu*), что дословно значит «некомфортно, неудобно».

Также отмечено использование словосочетаний *больша девка*, *младша девушка* в значении «старшая дочь», «младшая дочь». У слова 大 (*dà*) в китайском языке есть значения «большой» и «старший», а у слова 小 (*xiǎo*) – «маленький» и «младший». Значения «старший» и «младший» появляются у слов «маленький» и «большой» в русской речи билингвов по аналогии с китайским языком.

Итак, в ходе проведенного исследования было выявлено, что представители второго и третьего поколений переселенцев из России в китайское Трехречье говорят на русском диалекте, испытывавшем влияние китайского языка – интерференцию. Некоторые особенности произношения наших информантов, которые можно интерпретировать как обусловленные интерференцией (неразличение звонких и глухих согласных; *пензия*, *сабоги*; произношение согласных с придыханием: *лук*^х, *суп*^х; твердое произношение аффрикаты <ч>), совпадают с диалектными особенностями, характерными для русских говоров Забайкалья, и в этом случае системы разных языков пересекаются и начинают поддерживать друг друга в речи языкового коллектива.

Было выявлено, что диалектные черты речи потомков переселенцев во втором и третьем поколениях соотносятся с говорами переходного типа на севернорусской основе. Это позволяет говорить об особом варианте русского языка в восточном зарубежье, а именно в Трехречье, который можно обозначить как **трёхреченский вариант русского языка в зарубежье**.

Демонстрируя длительную сохранность, русский язык в китайском Трёхречье вместе с тем демонстрирует и тенденцию к угасанию. Китайский язык в настоящее время является доминирующим, что влечет за собой в последующих поколениях трехреченцев отказ от языка своих славянских предков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абросимова О.Л. Фонетическая система русских говоров Читинской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 26 с.
2. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979. 264 с.

3. Гордеева С.В. Русский язык в приграничном Китае: на материале речи русских переселенцев в Китай 20–40-х гг. XX в. и их потомков: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2014. 238 с.

4. Дэн Цзе. Позиционные закономерности русской фонетической системы «в зеркале» китайского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 215 с.

5. Задоевко Т.П. Краткий очерк системы тонов современного китайского языка // Вопросы китайской филологии. М., 1963. С. 191–219.

6. Игнатович Т.Ю. Современное состояние русских говоров севернорусского происхождения на территории Восточного Забайкалья: фонетические особенности. М.: ФЛИНТА; Наука, 2011. 240 с.

7. Игнатович Т.Ю. Забайкальская русская народно-разговорная речь. Чита: Забайкал. гос. ун-т, 2015. 176 с.

8. Кайгородов А.М. Русские в Трехречье (по личным воспоминаниям) // Советская этнография. 1970. № 2. С. 140–149.

9. Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2009. 352 с.

10. Панова Р.С. Фонетическая интерференция в русской речи китайцев // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 22. С. 83–86.

11. Пляскина Е.И. Система консонантизма говоров сел Борзинского района Читинской области // Сибирские говоры: функционирование и взаимовлияние диалектной речи и литературного языка. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ин-та, 1988. С. 43–49.

12. Пустовалов О.В. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Трехречье, Китай): дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2022. 210 с.

13. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты, лингвистическая проблематика. Л.: Наука, 1972. 81 с.

14. Спешнев Н.А. Фонетика китайского языка. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1980. 141 с.

15. Статистический ежегодник территорий Китая за 2019 год (информация о деревнях) департамента государственного статистического управления социально-экономического исследования сельских районов Китая. 2019. Пекин: Национальное бюро статистики КНР, 2020. 461 с.

REFERENCES

1. Abrosimova, O.L. (1996) *Foneticheskaya sistema russkikh govorov Chitinskoy oblasti* [Phonetic system of Russian dialects in Chita region]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

2. Vaïnraikh, U. (1979) *Yazykovye kontakty: sostoyanie i problemy issledovaniya* [Language contacts: status and research problems]. Kyiv: Vishcha shkola.

3. Gordeeva, S.V. (2014) *Russkiy yazyk v prigranichnom Kitae: na materiale rechi russkikh pereselentsev v Kitay 20–40-kh gg. XX v. i ikh potomkov* [Russian Language in Border China: Based on the Speech of Russian Settlers in China in the 1920s–1940s 20th century and their descendants]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

4. Deng Jie. (2012) *Pozitsionnye zakonomernosti russkoy foneticheskoy sistemy "v zerkale" kitayskogo yazyka* [Positional patterns of the Russian phonetic system "in the mirror" of the Chinese language]. Philology Cand. Diss. Moscow.

5. Zadoenko, T.P. (1963) *Kratkiy ocherk sistemy tonov sovremennogo kitaiskogo yazyka* [A brief outline of the tone system of Modern Chinese]. In: Rogachev, A.P. (ed.) *Voprosy kitayskoy filologii* [Questions of Chinese Philology]. Moscow: Moscow State University. pp. 191–219.

6. Ignatovich, T.Yu. (2011) *Sovremennoe sostoyanie russkikh govorov severnorusskogo proiskhozhdeniya na territorii Vostochnogo Zabaykal'ya: foneticheskie osobennosti* [The current state of Russian dialects of northern Russian origin in the territory of Eastern Transbaikalia: phonetic features]. Moscow: FLINTA: Nauka.

7. Ignatovich, T.Yu. (2015) *Zabaikal'skaya russkaya narodno-razgovornaya rech'* [Transbaikalian Russian colloquial speech]. Chita: Transbaikalia State University.

8. Kaygorodov, A.M. (1970) *Russkie v Trekhrech'e (po lichnym vospominaniyam)* [Russians in Three Rivers (according to personal recollections)]. *Sovetskaya etnografiya*. 2. pp. 140–149.

9. Oglezneva, E.A. (2009) *Russkiy yazyk v vostochnom zarubezh'e (na materiale russkoy rechi v Kharbine)* [The Russian language in the Russian East foreign countries (a case study of the Russian speech in Harbin)]. Blagoveshchensk: Amur State University.

10. Panova, R.S. (2009) *Foneticheskaya interferentsiya v russkoy rechi kitaytsev* [Phonetic interference in the Russian speech of the Chinese]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 22. pp. 83–86.

11. Plyaskina, E.I. (1988) *Sistema konsonantizma govorov sel Borzinskogo rayona Chitinskoy oblasti* [The system of consonantism of dialects of the villages of Borzinsky district, Chita region]. In: *Sibirskie govory: funktsionirovanie i vzaimovliyaniye dialektnoy rechi i literaturnogo yazyka* [Siberian dialects: functioning and mutual influence of dialect speech and literary language]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University. pp. 43–49.

12. Pustovalov, O.V. (2022) *Russkiy yazyk v vostochnom zarubezh'e (na materiale russkoy rechi v Trekhrech'e, Kitay)* [Russian Language in the Eastern Abroad (Based on Russian Speech in Three Rivers, China)]. Philology Cand. Diss. Ulan-Ude.

13. Rozentsveig, V.Yu. (1972) *Yazykovye kontakty, lingvisticheskaya problematika* [Language contacts, linguistic problems]. Leningrad: Nauka.

14. Speshnev, N.A. (1980) *Fonetika kitayskogo yazyka* [Phonetics of the Chinese language]. Leningrad: Leningrad State University.

15. China. (2020) *Statisticheskiy ezhegodnik territoriy Kitaya za 2019 god (informatsiya o derevnyakh) departamenta gosudarstvennogo statisticheskogo upravleniya sotsial'no-ekonomicheskogo issledovaniya sel'skikh rayonov Kitaya* [The 2019 China Territory Statistical Yearbook (Village Information) of the China Rural Socio-Economic Research Department of the State Bureau of Statistics]. Beijing: National Bureau of Statistics of the People's Republic of China. (In Chinese).

Оглездева Елена Александровна – доктор филологических наук, Томский государственный архитектурно-строительный университета (Россия).

Elena A. Oglezneva – Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering (Russia).

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

Пустовалов Олег Викторович – кандидат филологических наук, Хэйхэский университет (Китай).

Oleg V. Pustovalov – Heihe University (China).

E-mail: pustovalowol@yandex.ru